

ЯНА ЯМЛИХ

Изгнанники

ИСТОРИЯ, НАПИСАННАЯ ПО ШАМ

Яна Ямлих
Изгнанники. История,
написанная по снам

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36304764
ISBN 9785449323989*

Аннотация

Мир, в котором живет Аля, полон тайн: легенды о духах, дети с необыкновенными способностями, проклятые дома и загадочный город, из которого никто не возвращается, но мимо него можно пронестись на поезде. Внезапно 14-летняя школьница становится убийцей, лгуньей и чужачкой. Поиски брата, изгнанного из города по ее вине, оказываются трудным путем между реальностью и иллюзиями, действительным и сумеречным. Чтобы исправить ужасную ошибку, Аля делает очень непростой выбор.

Содержание

ГЛАВА 1	13
ГЛАВА 2	54
ГЛАВА 3	72
Конец ознакомительного фрагмента.	83

**Изгнанники
История,
написанная по снам**

Яна Ямлих

Исчезни радуга запретная

© Яна Ямлих, 2018

ISBN 978-5-4493-2398-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Изгнанье вот судьба твоя
Гийом Аполлинер

Прислушайся к дождю быть может это

*старой музыкою плачут презрение и скорбь
Прислушайся то рвутся узы что тебя
удерживают на земле и небесах*

Гийом Аполлинер

*Предоставь меня печали!
Я, истаяв, не умру.
Стану духом я – и только! —
Хоть мне плоть и по нутру.*

*Без дорог блуждая, кто-то
Здесь, в лесах, повитых тьмой,
Тень мою приметит ночью
И услышит голос мой.*

Уильям Блейк

*Всякая усиленная привязанность
ко всему земному – страдание.*

Будда Шакьямуни

*Все вы идёте к истине различными путями,
а я стою на перекрестке и ожидаю вас...*

Сиддхартха Гаутама

*** * ***

В самом темном углу, куда почти не проникает свет желтых ламп, сидит за столом человек. Перед ним – полный бокал пива. В полумраке зала негромко играет музыка:

скрипично-гитарные мотивы, какие обычно звучат в пабах. У барной стойки двое мужчин курят и смеются, один гогочет особенно громко. Раз в полчаса бармен с непроницаемым лицом пополняет им бокалы. Больше в заведении никого нет. Официантка со своего поста подозрительно косится на человека в углу: вот уже минут пятнадцать, как он заказал пиво, но даже не пригубил. К счастью, если с напитком что-то не так, он уже за него расплатился.

Любопытство официантки вызвано и обликом посетителя. Он одет не по сезону и не по моде, в широкий черный плащ и широкополую шляпу, которые так и не снял. Сидит прямо, не шевелится. Выражения лица, скрытого тенью, не разобрать. Обе руки в черных кожаных перчатках лежат на столе почти безжизненно. Официантка беспокоится: может быть, ему плохо, надо же что-то делать!

Заметив взгляд официантки, человек медленно поднимает руки. Сидя прямо, не меняя положения головы, он стягивает одну перчатку, потом другую, кладет их рядом на стол и снова опускает руки по сторонам от своего бокала. Тогда официантка подходит к человеку: может быть, ему нужна помощь? Человек поднимает взгляд. Темные глаза, лицо с выразительным прямым носом. Отвечает, что все в порядке, и снова отворачивается.

Распахивается дверь, в помещение влетает гул зимнего ветра. С ним входит девушка, невысокая, совсем юная на вид, даже слишком юная для баров. Она бедно одета:

пуховик непонятного серого цвета с торчащими клочками белого синтепона, на ногах сморщенные сапоги в пятнах... Скорее всего, она зашла погреться, а в паб, ходят, чтобы пить, или хотя бы платить за пиво и смотреть на него, как тот человек в углу, – думает официантка. Девушка скидывает с головы капюшон с облезлой меховой оторочкой и растерянно останавливается. Тугая темная коса выныривает из капюшона и падает поверх меха. Официантка спешит к ней, чтобы сообщить: несовершеннолетним нельзя посещать такие заведения без сопровождения взрослых. Но тут девушка, обводя взглядом зал, угадывает в темноте силуэт человека в шляпе и, будто найдя, что искала, направляется прямым ходом к нему. Официантка замирает: ситуация становится более интересной. Поравнявшись с ней, девушка тихо произносит:

– Я к нему.

Официантка дежурно улыбается и возвращается к своему посту, чтобы издалека наблюдать за этой странной парой.

Девушка здоровается с человеком и о чем-то спрашивает его, он кивает. Тогда она стягивает пуховик, с аккуратностью бедняка кладет его на скамейку и садится напротив человека.

* * *

Он смотрит на девушку, ожидая ее вопросов, а она обя-

зательно будет спрашивать. Девушка опускает глаза. На ней теплое, но очень потрепанное темно-синее платье и синяя же шаль, которую она тут же снимает и пристраивает на пуховик. Потом она кладет руки перед собой и принимается в волнении тереть рваные манжеты. Тугая коса темных волос жгутом спадает по ее шее на спину. А эта шея, такая худая и бледная, торчит из широкого стоячего воротника платья, как тонкий стебель из керамического горшка. Этой девушке не больше пятнадцати-шестнадцати. Наконец, она собирается с духом, быстро вздыхает и усилием воли поднимает взгляд на человека в плаще. Под ее темно-синими глазами – тени голода и тяжелой бедной жизни. Скулы резко выделяются на худом белом лице. Немного асимметричные брови делают выражение этого лица напряженным и недоверчивым. Она смотрит так, как мог бы смотреть на вторгшегося человека забитый щенок из своего маленького, обжитого логова.

Она так и не может задать свой вопрос и опять вперивает взгляд в манжеты. Тогда человек начинает первым:

– Может быть, вы хотите горячий напиток?

Девушка, помедлив, кивает. Холодная ночь измотала ее. Человек подзывает жестом официантку, заказывает кофе и шоколадный десерт. Девушка бросает на него изумленный, почти испуганный взгляд. Он говорит, что так будет лучше. Официантка медлит, желая рассмотреть девушку. Но та молчит и больше не поднимает глаз.

– Итак, вы ищете брата, – говорит человек, когда официантка, наконец, уходит.

Девушка как будто вздрагивает, потом вся собирается, подается вперед, шире распахивает глаза.

– Да. – Тихо и твердо отвечает она. – Его зовут Том. Томас Алинор Маргори. Вы ведь что-то знаете о нем, так? То есть... я имею в виду... Вы ведь знакомы? Я нашла его письмо, он вам писал, и я подумала, что... ну, он же не просто так вам писал.

– Мне многие пишут, вы же понимаете.

– Но вы были в переписке, вы ему отвечали. Я читала письмо... Вы... вы звали его к себе. Понимаете, он как бы пропал...

– Как бы?

– Ему пришлось уехать из нашего города, и с тех пор я не могу его найти. Уже два года прошло. Я... вы, наверное, последняя моя надежда.

– А вы уверены, что он хочет, чтобы вы его нашли? Раз он уехал.

– Послушайте... я понимаю, это все может казаться странным... Но мне нужно найти его.

– К сожалению, я не могу сказать вам, что среди моих близких знакомых есть человек с таким именем. А тех, кто зачем-то ко мне обращается, много, и некоторым я действительно отвечаю. Таких тоже немало.

– Давайте, я... давайте, я вам о нем расскажу.

Человек молчит. Девушка снова вздыхает.

– Я вам о нас расскажу, – задумчиво произносит она. – О себе и о том, что произошло. Может быть, вам потом захочется написать об этом книгу... А мне давно хочется кому-нибудь обо всем рассказать. Можно это будете вы?

– Можно, – отвечает человек очень серьезно.

Официантка ставит перед ними кофе и блюдо с тортом и снова немного медлит, прежде чем уйти. Человек пододвигает все это к девушке:

– Угощайтесь.

Она с готовностью делает большой глоток горячего кофе и морщится, обжегшись. Потом берет ложку и робко ломает маленький кусочек десерта. Смотрит на человека: он одобрительно кивает. Свое пиво он так и не пьет.

– Я с готовностью вас выслушаю, – говорит он. – У меня время до самого утра. У меня всегда есть время до утра, так что рассказывайте хоть всю ночь. Постараюсь вам помочь, если смогу.

Проглотив торт и снова, на этот раз осторожно, отпив кофе, девушка отстраняется от стола, облакачивается на спинку скамьи и складывает руки на коленях. Ее худые узловатые пальцы сплетаются, крепко сжимают друг друга. Из-под манжет показываются острые косточки запястий.

– В том, что мой брат уехал, виновата я, – начинает она. – Он сделал это не по своей воле. Он не знает, что давно может вернуться в родной дом. Нам обоим было по жизни уготова-

но изгнание, но только я знаю, за что мне это, а он – нет...

Человек слушает ее историю, а она говорит и говорит, и с каждой минутой ее голос крепнет. Она уже и не смотрит на реакцию своего слушателя, увлекшись воспоминаниями. Слишком долго она не имела возможности поделиться тем, что в итоге привело ее ночью в прокуренный паб в ярком городе, сверкающем посреди заснеженных лесов.

ГЛАВА 1

Моё полное имя Алита Черис Маргори. Я выросла в городе под названием Архента. Вы слышали о таком? Вряд ли, конечно. Он далеко отсюда. Я даже не очень хорошо представляю, как мне теперь туда добраться. Но это и не нужно, я все равно уже туда не вернусь.

Знаете, чем примечательна Архента? Это замкнутый мир. И очень спокойный. Там нет печалей, и радостей тоже нет, все так ровно, почти безмятежно. Люди рождаются в местной больнице, живут в Архенте, умирают и оказываются на местном же кладбище. Они работают врачами, почтальонами, продавцами, учителями. Выращивают сады, строят дома. Воспитывают детей. Влюбляются, ссорятся, мирятся. В больших городах, я теперь это знаю, все намного сложнее. А в Архенте – до крайности просто.

Соседи ходят друг к другу по выходным на чай с пирогом. С утра учительница может поставить тебе двойку, а вечером прийти к вам домой поболтать с мамой о цветах настурции. Невозможно сделать что-то гадкое и скрыть это, так тесен этот замкнутый мир. Никому, впрочем, и не приходит в голову нарушать его.

В таком месте никогда не заблудишься, потому что за час пройдешь городок насквозь. Никогда не останешься без денег или еды, потому что даже в самой сложной ситуации пе-

ред тобой распахнется первая же дверь, и откроют ее твои знакомые – откуда там взяться незнакомым? Да и какая может случиться сложная ситуация? Тихий городок, дома с цветущими садами, огороды с клубникой и базиликом. Два раза в год – общие собрания, где горожане с мэром во главе обсуждают будущие планы. Все вопросы решает этот же мэр, от даты Ярмарки Урожая до назначения нового доктора. Есть еще прокурор, но нарушений почти не бывает, а потому и работы у прокурора немного.

У вас тут, в большом мире, каждый сам по себе и сам себе хозяин. Куда захотел – туда пошел. С другой стороны, сколько же у вас ограничений. Сколько разных организаций. Законов. В Архенте все люди вместе, один за другого, правила жизни просты, а охраняет их традиция. И уйти из этого мира равносильно предательству. Редко кто уходит по собственной воле. Жизнь идет своим чередом, течет и не меняется. А когда происходит что-то необычное, люди очень долго обсуждают это событие.

Вот однажды почтальон принес известие, что наш плотник выиграл в лотерею. Представляете, плотник, он делал мебель для всего города, такой простой смешливый человек, и вдруг он выиграл в национальную лотерею большие деньги! Все гадали, что он, бессемейный, сделает с такой суммой. И знаете, что он сделал? Привез к нам какого-то архитектора и построил вместе с ним маленькую деревянную крепость на развлечение детям. С деревянным шпилем, с фигурами

стражей у входа, с резными воротами. И почему? Потому что куда ему деньги в Архенте!

А еще как-то раз случилась авария на шоссе, после урагана, и к нам хлынули люди. Они побросали свои машины и стали искать у нас возможности переночевать. Их привели в городское кафе, каждого накормили, напоили, каждому предложили дом, где выделили лучшие кровати. Почему? Потому что архенчане почти преклоняются перед незнакомцами. Общение с приезжими – это глоток свежести, восточка из невиданного, богатого и великого мира. Ведь мало кто из жителей Архенты выбирался дальше соседнего города, где есть кино и большой рынок.

В тот день, когда дороги закрыли, мы все долго не спали, сидели в кафе, говорили с этими людьми. Ужасно им надоели. Они были такие занятые и современные, хорошо одетые. Женщины пахли цветами, мужчины доставали тонкие телефоны, дети просили неведомого нам фисташкового мороженого. Утром они все разъехались, а в городе еще долго обсуждали, на ком была какая куртка и кто что хотел заказать из еды. Даже мода новая появилась, в подражание некоторым из тех людей с шоссе. Мой брат Том, помню, заказал себе у швеи поясную сумку, как у кого-то из них. Ему тогда было пятнадцать, как мне сейчас. Он ходил с ней в школу, но туда мало что вмещалось, поэтому он вечно был без учебников. В итоге его учительница как-то между делом сказала об этом маме, и с тех пор модная сумка у Тома на поясе по-

являлась только во время прогулок.

А зимой связь с нашим городом поддерживалась только по железной дороге, потому что проезд, ведущий к нам, от снега не чистили. Шоссе летело далеко от Архенты, и машины проносились по нему, не имея никакой необходимости заворачивать в наш тупик. Поезда останавливались внизу под горой, на которой размещался город, они стояли у перрона меньше минуты и ехали дальше. Почти никогда никто с них не сходил, никто не садился. По ночам гудки поездов протяжно напоминали о далеких, сияющих городах, в которых женщины пахнут цветами, а мужчины складывают тонкие телефоны в маленькие поясные сумки.

Четырнадцать лет я жила в этом утопающем в зелени летом, заснеженном зимой городке. Как обычный подросток, я ходила в школу. Вечерами я любила гулять по улочкам или сидеть в нашем саду, а еще я много читала. Так уж вышло, что друзей у меня не было, и общение с людьми мне в полной мере заменяли книги. И я чувствовала себя счастливой! Я не думала, конечно, счастлива я или нет, но теперь с тоской вспоминаю ощущение покоя, безмятежности, уверенности в будущем, которые тогда у меня были. Ведь именно это и есть счастье – ощущение безопасности и непреходящего благополучия.

Я перешла в старшие классы, фантазировала, куда пойду после школы. У нас студенты учились обычно заочно, мало кто уезжал из привычного мира, а те, кто уехал, поче-

му-то не возвращались... Несколько раз в год к нам приезжала целая команда преподавателей, и старшие ребята сдавали экзамены. Так и учились. А потом оставались работать в Архенте, сменяя родителей. Сын учителя – учителем, дочь медсестры – медсестрой. Все просто и понятно. Многие после школы сразу шли работать, перенимая опыт старших на практике. Мои родители были художниками, так что и я была научена рисовать, хотя мне больше нравилось сочинять истории. А мой брат, он заканчивал школу, хотел управлять городским хозяйством, заниматься развитием маленькой Архенты, или лечить животных, возиться с ними. А мне это было совсем не интересно. Я любила работать в саду, я могла бы выращивать хороший урожай... Наверное.

* * *

Но все-таки я не была обычным подростком, таким же, как и все остальные в Архенте. Потому что я не родилась архенчанкой, и все горожане об этом знали. У меня была грустная и странная история.

Однажды поздним вечером я, младенец, лежала на перроне, в одеяле, плачущая, возле сумки с детскими вещами. В ту пору в Архенте не было беременных. Никто не знал, откуда я взялась. Меня нашла женщина, приехавшая на электричке домой в Архенту. Она работала учительницей и иногда занималась с детьми в соседнем городе, до которого была па-

ра часов езды. У нее не было семьи, и она с радостью приняла меня. Она была скромным и консервативным человеком, и меня воспитывала так же. Поэтому, даже повзрослев, в школу я ходила только в темном, волосы всегда заплетала, книги в читала классические, с моралью. А еще она учила меня шить и работать в саду. Я не знала, что она мне не родная. Я звала ее мамой и очень любила.

Нам было хорошо вместе. По вечерам мы читали вслух, ужинали, смотрели на звезды. Перед сном она всегда приносила мне стакан теплого молока. В школе я училась в ее же классе, поэтому она могла за мной присматривать. Я до сих пор помню запах свежего чая, который каждое утро разносился по нашему маленькому дому. Мама никогда не пила вчерашний чай. Дом мы украсили ковриками, которые сплели сами. А еще у мамы было много маленьких белых салфеток, которые она вязала из тонкой пряжи.

Наш дом был самым безопасным местом на свете, коконом, спрятанным в деревьях тихой Архенты. И этот наш вязано-чайный мир был теплым, уютным и скрытым. У мамы не было больше близких, у меня тоже. Я росла тихим, необщительным ребенком. Мама и этот дом являли для меня практически все, что мне нравилось и что я любила.

Но однажды моя мама, единственный мой родной человек, не вернулась домой со своих занятий. Наутро ее стали искать коллеги. Меня временно поселили прямо в школе. Маму нашли через несколько дней, мертвую. Она опоздала

на электричку и, видимо, шла пешком. Кто-то убил ее прямо на дороге в поле и забрал все ее вещи, которые так никогда и не были найдены. Она не дошла до безопасной Архенты только часа. Ее ударили по голове, она сразу потеряла сознание и умерла от потери крови, так же тихо, как и жила. Мне тогда было только девять.

У меня появились новые приемные родители, и я переехала к ним. Старый наш маленький дом пустовал, и я приходила туда и плакала. Потом, во время урагана, повалившего деревья на шоссе, был разрушен и этот дом.

Я росла и старалась дружить с новыми родителями, хотела им нравиться, была благодарна им за доброту. Довольно скоро я привыкла звать их папой и мамой. У них был сын – мой брат Том. Они совсем не были похожи на мою первую маму. Это были художники, яркие, громкие, быстрые. Они пытались развивать все, что было во мне творческого. Они жили в большом красивом доме с необычным для маленького городка дизайном.

О том, что я не архенчанка, я узнала уже в средней школе: рассказала одноклассница, родители которой что-то обсуждали обо мне дома, не заметив, что дочка не спит. И мама – моя вторая и последняя мама – подтвердила этот страшный рассказ. Для меня было шоком узнать, что добрая, милая женщина, с которой я провела все детство, не являлась моей родной матерью. Но и с этим я быстро смирилась, ведь настоящая моя жизнь не менялась. У меня все было хорошо.

Правда, подрастая, я чувствовала себя чужой, когда родители и Том с трепетом вспоминали умерших родственников, посещая их могилы или листая фотоальбомы. Я осознавала, что это – не мои предки. Я смотрела на лица с фотоснимков, на имена с могильных памятников, и представляла, как могли бы выглядеть мои родственники, кто они и где живут. Я сочинила десятки историй того, как я могла попасть на перрон станции «Архента». И, конечно, ни в одной из этих историй меня не бросали, меня обязательно должны были забрать настоящие мама и папа, и они скоро-скоро это сделают, вот как я думала. Я представляла нашу встречу. Я была такой наивной! Странно было полагать, что кому-то из всего огромного мира за границами Архенты есть до меня хоть самое маленькое дело.

Мои приемные родители любили меня – но не так, как Тома. Я понимала разницу с первого дня в их доме и никогда не заблуждалась на этот счет. Я как-то привыкла и не считала это несправедливостью. Я была им не родной, и для меня все было на своих местах. Почему Тому больше внимания, почему ко мне выше требования. Почему именно его, а не меня, хотели по-настоящему обучить живописи и брали на встречи с агентом, который приезжал раз в полгода за картинами для продажи. И почему потом, когда Том наотрез отказался рисовать, для него добились индивидуального обучения у самого директора школы – между прочим, математика. Меня же даже не спрашивали, чем я хочу заниматься,

не докучали вопросами о моих отметках, не интересовались, с кем я общаюсь. Это, кстати, позволяло мне частенько прогуливать уроки, засидевшись в саду с книгой. Со мной занимались разнообразным творчеством, но беспорядочно: то я рисовала, то танцевала, то пела. Ко мне была иная любовь или даже не любовь, а, скорее, привязанность – в конце концов, они воспитывали меня уже 5 лет. Но они не чувствовали во мне родной крови, и я видела это. И еще им не нравилось, когда я вспоминала о своём происхождении, и я перестала говорить о нем.

Никто никогда не называл меня подкидышем и не обращался со мной плохо, но все в городе знали, кем я являлась. И они говорили об этом своим детям, когда те тоже стали подрастать. Дети думали о моей истории, я видела это в их лицах. Но до определённого времени меня не сильно задевали их взгляды. Ведь все-таки у меня была хорошая семья, мне давали широкое, пусть и немного хаотичное, образование, у меня были интересы, много книг. Счастливая, спокойная жизнь. Только иногда мне становилось одиноко. Тогда я шла к своему разрушенному дому и тихонько плакала, жалея себя. Но, честное слово, это бывало очень редко.

Том был старше меня на четыре года. С самого моего появления в его доме он проявлял ко мне большой интерес, пытался как-то развлечь, втянуть в свои игры, познакомить с друзьями. Он обращался со мной так, как обычно братья обращаются с младшими сёстрами: подтрунивал и посмеи-

вался, но всегда защищал меня и помогал мне, когда я просила. Я любила его, хотя иногда он был просто невыносим. Меня раздражало, как он, проходя мимо меня, запускал руку мне в волосы и восклицал:

– Какой кошмар, Алька, у тебя в голове жуки! – и оставлял меня растрепанной.

Или:

– О ужас, ты выросла на пять миллиметров! Ещё миллиметр – и мне придётся тебя укоротить! – и дергал меня за уши.

Но на самом деле он был замечательным. По выходным у него в комнате собирались самые популярные в школе ребята, его лучшие друзья. Девчонки нередко просили меня передать ему записку или что-то спрашивали о нём. Я понимала их: Том был красив и обаятелен. У него были вьющиеся русые волосы, которые он отрастил до подбородка, и это очень ему шло. Одно лето он подрабатывал грузчиком в магазине и быстро раздался в плечах. А еще у него были пронзительно ясные глаза. Пытливые, светло-серые, они всегда смотрели приветливо и с задором. Он часто шутил и смеялся. У него была особенная манера улыбаться одним уголком рта, он так забавно кривил губы. Мне это в нем очень нравилось, а вот мама часто говорила ему: почему ты не показываешь зубы, у тебя ведь такая красивая улыбка. Я, помню, перед зеркалом репетировала Томову усмешку, но ее невозможно было повторить.

Том очень быстро стал для меня главным человеком в семье. Он сразу почувствовал свою ответственность за меня. С ним я проводила гораздо больше времени, чем с матерью и отцом. Я видела в нем пример, он казался мне почти идеальным человеком. Да, я была очень привязана к брату. Иногда я обижалась на него: он вырослел, встречался с девушками, гулял с друзьями и не всегда мог проводить время со мною. Мои чувства к нему стали чем-то вроде смеси любви и зависти. Подрастая, я стала думать, что просто какое-то время ему было интересно возиться со мной, а теперь я ему надоела. Но я ошибалась, Том очень дорожил мной, ведь иначе он бы не сделал того, что сделал.

* * *

Другим человеком, который по-настоящему, по-родственному любил меня, был мой названный дедушка. Он жил на окраине города, и почти каждый выходной день я приходила к нему – иногда одна, иногда с Томом. Мы пили чай с клубничным вареньем, болтали о разных мелочах, а ровно в десять вечера шли гулять – такой у дедушки был обычай, он называл его «встреча ночи».

Архента в это время медленно погружалась в дремоту, гасли огни в домах, замолкали голоса и шум, становилось очень тихо. Я любила такие часы. Зимой под ногами хрустел снег. Дедушка держал большой кованый фонарь, пока

мы с Томом катались со склона холма, на котором стоял дом. Зимнее небо над Архентой дарило самый белый, самый пушистый и самый вкусный снег. Летом мы шли по полю, пробираясь сквозь высокую траву, а вокруг струился чистый свежий воздух, полный ароматов цветов, леса, земли. Иногда мы лежали на траве и смотрели в небо. Оно было разным и вызывало разные чувства и мысли, но, тем не менее, оно всегда было прекрасным. Звезды над Архентой были такими яркими, как больше нигде. Ночные облака над Архентой были самыми причудливыми. Тучи над Архентой проливали самые чистые дожди. Архента была нашей родиной, самым любимым местом на свете, и нам не хотелось никуда из нее уезжать, даже на один день. Нам не был интересен остальной мир.

Иногда мы просто сидели на заднем крыльце дедушкиного дома. Он курил трубку, мы молчали. Я слушала, как он вдыхает с тихим шипением дым и выдыхает его, складывая для потехи в колечки. Потом дедушка начинал говорить, а бывало, что и мы сами о чем-то его спрашивали. Порой мы катались на вёсельной лодке по узкой речке, заросшей водорослями и прибрежными кустами. Лодочка была такой маленькой, что вода плескалась у самого борта. Я высовывала обе руки по бокам и держала их в прохладной реке. Мальки разлетались в разные стороны от нашей лодки, скрипели уключины, на мелком дне дрожало отражение речной ряби. Иногда на берегу недовольно крякали потревоженные звука-

ми утки.

То, как мы «встречали ночь», не имело значения. Одно было важным – разговор. Мы всегда говорили, говорили о разном: о дальних странах, о тайнах природы, о мечтах. Дедушка рассказывал о своей юности, о том, как он был летчиком. Он говорил, что однажды его самолет совершил вынужденную посадку в глухом лесу, темной ночью, и он видел там маленького мальчика с ручной лисой, а ему никто не поверил. И мы сочиняли истории про этого мальчика и его лису. Мы рассказывали, что у нас нового в школе и дома, спрашивали у дедушки советы. Мы очень его любили и очень ему доверяли.

Потом, возвращаясь домой, мы кланялись ночной тишине, словно это было частью древнего ритуала, и, не оглядываясь, заходили в дом. Однажды я спросила у дедушки, почему мы кланяемся в пустоту, и он ответил:

– Поклон – это знак почтения. Если ты хочешь, чтобы мир был добр к тебе, ты должна любить его и почитать всех, кто его населяет – даже невидимых духов.

– Каких еще духов? – Навострил уши Том.

– Духов, которые есть во всём: в воде, в земле и в воздухе. Они видят и слышат нас, порой они бывают жестоки, они даже могут погубить человека.

Мне тогда стало страшно. Дедушка заметил это по моему взгляду и сказал:

– Не бойся, детка. Их не нужно бояться, ведь они нико-

гда не тронут невинного. Духи – отражение нас. Их нужно просто принять, потому что они есть, они – часть этого мира, они делят с нами эту планету, и изменить мы ничего не можем.

Том, помню, усмехнулся, но дедушка одёрнул его:

– Не смейся, Томас. Духи старше и мудрее нас, и не следует их оскорблять. Кто знает, с кем из них тебе предстоит встретиться...

– Откуда ты всё это знаешь? – Спросила я.

– С возрастом приходит не только боль в пояснице и седина в волосах, – улыбнулся дедушка. – Иногда приходит опыт и даже знание...

– И талант сказочника, – опять усмехнулся Том, скривив на свой манер уголок рта.

Том считал дедушку чудачком – впрочем, его любовь к старику от этого не зависела, – а я видела в дедушке мудреца, и потому уважала и чтילה его так, как больше не уважала и не чтילה никого, даже таинственных духов.

Однажды во время «ночной встречи» начался дождь. Мы втроем забрались под густую крону липы и стояли, прислонясь к шершавому стволу. Я караулила дождевики, стекавшие с листьев, и отбрасывала их ладонями в сторону Тома. Он, морщась, отмахивался от брызг, а я смеялась. Дедушка вдруг сказал:

– Ты зря смеёшься, детка. В дожде нет смеха.

– Но это так забавно!

– А кому-то сейчас не до смеха. Ты думаешь, это вода? Нет, это Земля роняет слёзы о ком-то. Пока это слёзы грусти, но иногда бывают и слёзы крови... Никогда не смейся в лицо дождю.

Воспользовавшись моим замешательством, Том топнул ботинком по луже между двух корней и окатил меня брызгами. Я вскрикнула и подалась к брату с намерением отомстить, он юркнул за дерево, а дедушка печально покачал головой.

Я, конечно, не восприняла тогда дедушкины слова всерьёз, но почему-то запомнила их. Мне было двенадцать, я любила слушать таинственные дедушкины сказки и не вкладывала в них большого смысла. Но уже тогда я чувствовала, что дедушка говорит мне не всё, словно боится высказать нечто слишком суровое. Но больше, чем остальным, даже больше, чем Тому, будто знает что-то о моей судьбе и хочет предупредить о грядущем. Будто к чему-то меня готовит.

В мой четырнадцатый день рождения выпал снег. Дата была условной, потому что никто не знал, когда я родилась. Но дедушка счел этот снегопад добрым знаком. Та зима выдалась бесснежной. На несколько месяцев город замер в тревожной стылости осени. Это было необычно для Архенты, и горожане негодовали; снега ждали не меньше, чем ежегодной осенней ярмарки. И вот, в тот день, двенадцатого февраля, Том пришёл ко мне рано утром, чтобы поздравить,

и вдруг его взгляд остановился на окне. Утренний свет был непривычно чистым, белые лучи в тишине пробивались через тонкие занавеси и разливались по комнате. Я подошла к окну, отвела рукой штору, и мы увидели снег. Под моим окном, у соседних домов и по всей улице лежал нежный, хрупкий первый покров. На эту ничем пока не тронутую белизну невозможно было смотреть, не отводя глаз. Она скрыла превратившиеся в кашу останки бурых листьев, покрытую инеем землю, черную корку луж, обледенелые скаты крыши и коричневые ступени крылец. Спрятала все, что оставалось незимнего, обнаженного в нашем пейзаже. Я понимала, что скоро эта утонченная нежность, этот легкий первый покров покинет город, оставив нам мокрое небо, черную хлябь и голые деревья. Но в этот день, именно в этот день, как же это было приятно!

Вечером пришёл дедушка, поздравил меня и сказал:

– И природа поздравляет тебя, детка, а это самый лучший подарок.

И даже Том тогда не засмеялся, а только улыбнулся, глазами выразив свое согласие со стариком.

* * *

А днем, когда я была в школе, ко мне подошёл мой одноклассник, несмело протянул открытку с нарисованными синими цветами и сказал:

– Это тебе. С днём рождения.

В открытке были простые слова поздравления, написанные его рукой. Но между этими ничем не примечательными строками я почувствовала что-то более глубокое и важное. Я посмотрела на одноклассника – его звали Пол – и улыбнулась: спасибо. И он улыбнулся в ответ, неловко сцепил руки сначала перед собой, потом за спиной, и тогда уже отошел к своему месту. Одноклассники смотрели на эту сцену, как на диво. Ведь я так и оставалась тихим ребенком, и у меня не было друзей, кроме брата. Другие подростки немного сторонились меня. Так получилось само собой с тех пор, как они узнали мою историю. Во всяком случае, мне казалось, что причина именно в этом. Им было странно видеть, как веселый, общительный, компанейский парень подходит ко мне и со смущением дарит поздравительную открытку.

После уроков он предложил пойти домой вдвоем: нам было по пути. Я согласилась. С того дня мы стали друзьями.

Пол не казался мне каким-то особенным. До той открытки я вообще не замечала его. Короткие, всегда немного лохматые русые волосы – самый распространенный цвет. Серые глаза обычного размера. Приятная улыбка. Средний ученик. В нашем классе таких, как он, мальчишек было много. Они дружили, обменивались книгами, играли в мяч. Единственное, что я знала о Поле, проучившись с ним уже несколько лет, – это то, что он очень веселый. Он много смеялся, мог болтать с одноклассниками на уроках, за что получал выго-

воры. Учился он, впрочем, неплохо, в отличие от меня. Его подарок был таким же неожиданным, как и снег в то утро. Как потом оказалось, эта дружба была и такой же долгожданной. Прежде я просто не осознавала, насколько мне нужен близкий человек.

Поначалу мне было очевидно, что я нравлюсь этому мальчику. Он терялся, не знал, как вести себя со мной, о чем говорить во время прогулок, поэтому говорил обо всем. Я молчала и шла рядом с ним. Он нервно менял положение рук, наконец, убирал их в карманы, но потом снова вынимал. Я смотрела на его длинные тонкие пальцы и слушала. Мне было интересно все, о чем он рассказывал, потому что это были детали его личной вселенной. Маленькие крупинцы его жизни, такой же важной, такой же ощущаемой для него, как моя – для меня. Я представляла его маму, выскочившую вчера второпях из дома в тапочках, и его комнату, в которую на прошлой неделе залетел воробей. Как он пьет по утрам кофе с бутербродами и как читает по вечерам очередную книгу из любимой приключенческой серии, как засыпает с ней и роняет ее на пол. Как он выглядит в домашних штанах и футболке, куда кладет сумку с учебниками, когда заходит, как бежит каждую субботу на тренировку по баскетболу и все равно всегда опаздывает. Постепенно его монологи стали складываться в наши диалоги. Мы много смеялись, постоянно придумывали какие-то игры, фантазировали, обменивались книгами. И чем больше мы привыкали

друг другу, чем меньше оставалось поводов для неловкости между нами, тем яснее было, что мы именно друзья. Хорошие, близкие друзья. Иногда мы выслушивали подколки одноклассников о наших отношениях. Но нас это только забавляло.

Наверное, вам это покажется странным, ведь нам было четырнадцать – возраст, в котором улыбка и мимолётный взгляд уже кажутся любовью. Но у нас было то, что много важнее – настоящая дружба. Пол даже смеялся потом:

– Алька, я ведь был влюблён в тебя, думал, ты леги, а ты оказалась совсем как я, пришлось с тобой дружить!

Я не возражала. Я не знала чувства более крепкого и важного, чем абсолютное взаимное доверие двух друзей. У меня был только один такой человек, которому я могла рассказать все, будучи уверенной в его понимании и поддержке. И я ни за что на свете не допустила бы его исчезновения из моей жизни. Я радовалась, что все получилось так хорошо.

Сейчас, пережив все то, что случилось после, я уже не могу отрицать, что это не была любовь. Просто как вообще можно разграничить любовь и дружбу? Разве одно не является следствием другого? Разве любимый человек не становится самым близким другом, и разве близкий друг не является любимым? Честное слово, если исключить из всего этого плотские отношения, о которых слишком много думают люди, то получается, что разницы нет никакой. И если мне скажут, что Пол не любил меня, я не поверю. Он следовал

за мной и старался меня защитить. И если мне скажут, что он был для меня только другом, я буду возражать, потому что не бывает только друзей. Он был другом, и я его любила. Я любила четырех людей в своей жизни: первую маму, названного дедушку, брата и Пола.

Пол даже был первым человеком не из нашей семьи, побывавшим у дедушки. Мы с ним провели в дедушкином доме выходные. Перед самым нашим уходом дедушка попросил меня подождать на улице и несколько минут о чём-то говорил с Полом за прикрытой дверью. Я слышала скрипучий дедушкин полусшепот, даже различала ритм фразы: неспешный, как всегда. Но слов не разобрала, как не вслушивалась. Чутье подсказывало мне, что дедушка говорит Полу про меня. Когда мой друг вышел, я пыталась расспросить его, но он отвечал какую-то нескладную чепуху. Пришлось со вздохом оставить посягательства на их секрет.

Хоть мы с Полом много времени проводили вместе, у него дома я была всего несколько раз. Он жил с матерью. Его отец давно умер от болезни, Пол совсем не помнил его и потому легко смирился. Но когда я в первый раз пришла к Полу, то сразу поняла, что его мама до сих пор не может отпустить мыслей о муже. Повсюду были расставлены его фотографии, обручальное кольцо хранилось в шкафу за стеклом, словно святыня, вещи лежали в отдельной комнате, бывшей когда-то его кабинетом, и даже присутствие его самого ощу-

щалось в доме. Мне казалось, что я вот-вот услышу мужской голос или увижу силуэт в полумраке комнаты, тихонько проскользнувший к своему кабинету. Прошло десять лет после его смерти, но вдова все еще переживала свою утрату.

Однажды она случайно упомянула его имя в разговоре и вдруг замерла, уткнувшись в кружку с чаем. Неловкое молчание повисло тогда между нами, но Пол вдруг попросил подать ему сахарницу. Мама, встрепенувшись, подвинула к нему вазочку. Я бросила взгляд на чашку Пола: она была пуста. Он уже выпил свой чай.

Я больше никогда не заводила бесед, которые могли бы заставить его маму при мне вспомнить об умершем муже.

А вообще она мне очень нравилась. Она угощала нас свежеиспеченным печеньем и кексами, всегда была мила и приветлива, и еще она очень любила своего сына и не боялась этого выражать. Когда мы уходили гулять, она нас обоих целовала на прощанье. Пол вечно пытался увернуться, но она однажды ответила на его ворчание:

– А вдруг мы больше не увидимся? Я хочу, чтобы ты знал, что я люблю тебя, и чтобы ты запомнил мой поцелуй.

Пол поморщился, бросил на меня неловкий взгляд, но промолчал. Его мама вздохнула и сказала мне:

– Ты умная девочка, Аля. Не позволяй ему быть таким вредным.

И каждый раз, когда мы спускались с крыльца, она еще стояла за окном и смотрела на нас. Если мы оборачивались,

она махала нам рукой и улыбалась.

Я никогда не чувствовала напряженности в общении с ней. Даже если Пол выходил, оставляя меня со своей мамой на несколько минут наедине, у меня не возникало мысли: только бы он скорее вернулся. И я не думала о том, чтобы безвылазно сидеть в комнате Пола, когда мы у него дома. Наоборот, мне нравилось пить какао с кексами на их с мамой уютной маленькой кухне. Она советовалась со мной, какие цветы посадить в следующем году или из какой пряжи связать шарф, смеялась, когда я говорила что-то забавное, рассказывала истории из своей школьной юности. Она была из тех редких людей, которые разделяют окружающих всего на два типа: близкие и все остальные. Я относилась к первой категории, и мне нравилось, что мама Пола считает меня не подругой сына, а просто близким человеком. Она казалась мне чем-то похожей на мою первую маму. И я понимала, почему ей так трудно пережить потерю мужа. Людей, которых она считала близкими, было у нее очень мало, судя по ее рассказам и по их с Полом уединенной домашности. И как же она, должно быть, привязывалась к этим редким людям, если и со мной обращалась, как с родной дочерью. Я думала: если она потеряет Пола, она, наверное, сойдет с ума. Полу нельзя уезжать из Архенты, вот что я однажды осознала. Он, впрочем, и не собирался, хотя приключенческие романы и локомотивные гудки под горой временами пробуждали в нем тоску по дальнему, никогда не виденному им ми-

Однажды в апреле в Архенту пришёл незнакомец. Как вы догадываетесь, это стало большим событием. Люди стекались в городское кафе, где он обедал, надеясь расспросить его, что творится в мире, рассказать ему о себе и просто посмотреть на него. Конечно, мне тоже было интересно, кто этот незнакомец и что привело его к нам. Но я отчего-то боялась его. Горожан будоражила мысль, что человек по своей воле путешествует (а это уже было выяснено) и в пути заходит в маленькую Архенту, не имея здесь никаких дел. Мне же это казалось ненормальным. Я думала, что, может быть, он не совсем в своем уме? Зачем ему сдалась наша глушь? Пол был согласен со мной, что незнакомец имеет секреты, но моего друга это не пугало, а, напротив, еще больше разжигало его интерес.

В одно субботнее утро мы с Полом занесли в кафе свежие кексы его мамы, которые она пекла для продажи. Кафе было пустым. Мы передали теплую ароматную коробку владельцу и хотели уйти, но Пол вдруг одернул меня и кивнул в сторону. За выступом стены, незаметный сначала, сидел человек. Он завтракал и задумчиво смотрел в окно. С первого взгляда было видно, что он пришел издалека: его потертая куртка выглядела почти как бывалые штормовки наших охотников

и рыбаков, его сапоги истоптались в пути, и даже выражение его лица было таким, словно он два раза обошёл вокруг света и не нашёл то, чего искал. На вид я дала бы ему лет пятьдесят. Его широкий подбородок оброс пятнистой из-за вкрапленных седины бородой. Он сидел, подперев левой рукой щеку, а правой качал между двумя пальцами ручку вилки. Рядом с ним лежала на скамье серая, растянутая шапка.

Глаза у Пола так и загорелись. Это был первый раз, когда мы увидели загадочного незнакомца своими глазами.

– Хочешь, подойдём к нему? – Спросил Пол.

Я уклончиво ответила, что нехорошо беспокоить человека за завтраком, тем более, когда он о чём-то думает. Но Пол будто и не слышал моих слов. Он уверенно подошёл к столу незнакомца, протянул мужчине руку и сказал:

– Здравствуйте, сэр. Меня зовут Полуэл Джонсон.

Незнакомец рассеянно обернулся, отложив вилку, посмотрел на него, улыбнулся, пожал протянутую руку и представился:

– Дарс Олович. Чем могу быть полезен?

– Мы просто хотим познакомиться с вами. Можно?

– Кто это «вы»?

– Я и моя подруга. Аля, иди сюда!

Я робко подошла и пробормотала:

– Извините...

– Не извиняйтесь, я привык к вниманию, – он усмехнулся и проговорил куда-то в сторону: – Если бы каждый из жите-

лей этого города извинялся перед разговором со мной, их извинениями можно бы было расплатиться даже за убийство.

Мы с Полом удивлённо переглянулись и промолчали.

– Так что вы хотите узнать обо мне, ребятаки?

– Ну... откуда вы, что вы видели, что привело вас сюда... –

Пол, обрадовавшись завязавшемуся диалогу, с готовностью уселся напротив этого господина.

– Я из далекого западного города, брожу по свету в поиске смысла жизни. Звучит, конечно, банально и нелепо, но это так. Можете звать меня «смыслоискателем».

Пол улыбнулся, желая выразить свою заинтересованность. Вздохнув, я присела рядом с ним.

Дарс Олович рассказал нам, как он бродил по разным городам и спрашивал у людей, в чем они видят смысл жизни, и в каждом городе люди отвечали ему по-разному.

– Одни видели смысл жизни в любви, другие – в детях, третьи – в искусстве, а иные считали, что жить надо просто чтобы сделать себе приятное... А вот вы, в чем вы видите смысл жизни? Для чего живете?

Он прищурился и посмотрел вдруг прямо на меня, так что я смутилась. У него были пронзительные, даже колючие серые глаза. Удивительно, какими разными могут быть серые глаза. У Тома они почти всегда смеялись, у Пола светились, а у Дарса Оловича отдавали стальным блеском. И, надо сказать, этот взгляд добавлял ему шарма. С таким прищуром он очень походил на бродягу-мудреца.

– Мы живем для тех, кто хочет, чтобы мы жили, – ответил Пол. – Смысл жизни в том, чтобы делать людям добро или хотя бы в течение всей жизни удержаться от искушения сотворить зло. Жизнь – это испытание.

Дарс Олович кивнул:

– А если ты сделаешь зло, значит, смысла в жизни больше нет?

– Есть: искупить свою вину.

– Понятно. – Он отпил свой кофе. Его тарелка была уже пуста, и, наверное, зайти мы на несколько минут позже, мы бы уже его не застали.

– А ты как думаешь? – Дарс Олович снова посмотрел на меня.

– Я согласна с Полом. Но неужели вы ушли из дома только чтобы узнать ответ на этот вопрос?

– Странно, да? Однако, это так.

– Но тогда вы не найдете ответа, потому что в этом поиске и есть смысл вашей жизни.

Он посмотрел куда-то вдаль, словно сквозь стену, и спросил:

– Тебя зовут Аля?

– Да.

– Алита, – вставил Пол.

– Но можно Аля, – добавила я.

– Ты не права, Аля. Дело в том, что очевидное не всегда является истинным...

Но тут в бар вошел наш сосед и надолго отвлек Дарса Оловича разговором о предстоящей рыбалке. Какое-то время мы с Полом молча ждали, но вскоре стало понятно, что нас уже не замечают, и мы ушли – только чтобы на следующий день прийти сюда снова, в это же время. И дело было уже не только в кексах: незнакомец заинтересовал нас. Впрочем, и пугал он меня тоже по-прежнему.

Мы общались с Дарсом Оловичем чуть больше недели. На четвертый день мне казалось, что он уже ждет нас и даже радуется, когда мы подходим к нему. Каждый раз он задумчиво, размеренно, словно перебирая старые письма или фотоснимки, рассказывал о тех людях, которых он встречал в своей жизни. Он убеждал нас, что знал человека, который умел летать, и женщину, которая не старела и в шестьдесят выглядела двадцатилетней. Я рассказала ему про мальчика с ручной лисой, которого мой дедушка видел в молодости. А Дарс вдруг рассмеялся своим резким, прокуренным смехом (который, кстати, нравился Полу):

– Ручной лис! Мальчик ходит босым по лесу! Маленький мальчик! Ох, чего только не видал, а вот тут скажу: дедушка-то, наверное, ударился сильно!

История осложнялась тем, что мальчик, по дедушкиным словам, вел с ним довольно странные беседы о людях и смысле бытия, потом попросил нарисовать барашка, а в конце скрылся за деревьями и там и пропал. И заразительный смех

господина Оловича не казался нам таким уж неуместным. Мы тоже смеялись, а он повторял, топя в хохоте последние слоги:

– О-хо! Барашк... барашка! Мальч... Мальчик! Барашка! О-хо-хо!

Когда мы вышли, Пол заявил, что не против отправиться в путешествие с этим человеком.

В воскресенье мы застали Дарса Оловича в дурном настроении. Он настойчиво, умоляюще просил о чем-то хозяйна кафе, а не получив, очевидно, желаемого, сдержанно махнул рукой, развернулся и увидел нас. Мы только вошли, Пол все еще придерживал дверь одной рукой: в другой, как всегда, были кексы. Господин Олович в одно мгновение переменился в лице, прямо расцвел и подался к нам, растопырив мозолистые руки.

– Ребятки, – заговорил он наимягчайшим тоном, – помогите мне, молю! Не будет ли у вас немного денег? Я вчера потерял все свои сбережения, и мне не на что купить мой обычный завтрак...

Я дала ему несколько купюр. Мне не было жаль денег. Наша семья была довольно обеспеченной: родительские картины очень хорошо расходились по рукам претенциозных коллекционеров из больших городов. Так что я могла позволить себе накормить взрослого человека и завтраком, и обедом, и ужином. Зато Пол сразу вспыхнул: они с матерью едва сво-

дили концы с концами, и Пол жутко этого стеснялся.

Но заподозрили неладное мы только, когда Дарс попросил у меня денег в третий раз. Мы постеснялись спросить его, но друг другу начали задавать вопросы: кто этот человек? Почему у него нет денег? Откуда вообще он берет деньги, если он бродит по свету? Никто никогда не говорил нам, чтобы Дарс Олович просил работы, а ведь в маленькой Архенте все знали обо всем. Он как будто только сидел в кафе, бродил по улицам, общался с мужиками и рыбачил. Когда он собирался уходить и собирался ли, тоже никто не знал. Мы даже пытались спрашивать хозяина кафе, но тот в своей обычной манере говорил много и ничего конкретного:

– Да ну вас, ну отдыхает человек. Да он наверняка до лета уйдет. Чего ему тут делать, он же на одном месте не может, ну видно же. Но кормить я его все равно больше не буду. Пусть вон полы у меня хоть помоеет... Да и хватит с него и обедов, обеды-то я ему каждый день даю за просто так. А за завтраки и ужины пусть платит, да. Или вон хоть рыбу пусть принесет, а то вчера опять его у реки видел, так ни одной рыбешки не принес же, постоялец.

И, кстати, на следующий день Дарс принес хозяину рыбы: видимо, кто-то его надоумил. И хозяин, увидев столь небольшую благодарность, опять стал кормить его и завтраками, и ужинами. Вот как в Архенте любили незнакомцев, вот с каким радушием встречали чужих, никому не известных людей.

Но у меня все равно оставались вопросы, которые я стеснялась или даже боялась озвучивать сама себе или Полу, тем более – задавать Дарсу. Ведь люди просто так не бросают свой дом, думала я. Чего же мы не знаем об этом человеке, что он скрывает от нас?

* * *

Дарс ответил мне сам.

Однажды вечером он появился в нашем доме. В ту субботу родители ушли в гости. Мы с Томом должны были пойти с ними, но я почувствовала себя плохо, и Тома на всякий случай оставили со мной. Я у себя в комнате читала, когда вдруг услышала шум внизу. Почему-то я заволновалась, хотя могла бы подумать, что Том просто пошел на кухню или в ванную или что вернулись родители.

Я вышла из комнаты и спустилась вниз. В гостиной было темно и тихо – ни единого звука.

– Кто здесь? – Спросила я. Мой голос казался в тишине и полутьме необычайно звонким, несмотря на то, что из-за простуды я говорила сипло.

Никто не ответил мне, только вдруг чья-то рука возникла из темноты позади меня и зажала мне рот, а потом кто-то прошептал:

– Я не хочу тебе зла. Если ты будешь молчать, я ничего тебе не сделаю.

Я очень испугалась, и даже если бы захотела, не смогла бы кричать. Мы, жители Архенты, и не думали, что ночью кто-то может ворваться в твой дом и вот так зажать тебе рот. Мы читали об этом в газетах и слышали такие истории по радио, но были отчего-то уверены, что все это бывает только в далеких, страшных больших городах. У нас – никогда. Вот почему от неожиданности и ужаса у меня подкосились ноги, голова закружилась, по телу прокатилась волна жара. Я и пошевелиться не могла, не то чтобы что-то ответить.

Человек убрал руку с моего лица и отошел на шаг. Я очень медленно, вся дрожа, обернулась.

Я увидела Дарса Оловича. Он был одет в свою старую штормовку, на голове его была растянутая серая шерстяная шапка, вязаная столбиком. На его руках были черные перчатки. Через его плечо была перекинута сумка, полная драгоценностей – на самом верху лежали мамины золотые серьги с изумрудами и наш серебряный подсвечник. Изумруды поблескивали от бликов лунного света, проникавшего через окно и приоткрытую дверь кухни.

– Что вы делаете, – тихо прошептала я, но он услышал.

Он смотрел на меня пару секунд. Потом медленно, очень медленно приблизился. Я сделала полшага назад и уткнулась спиной в перила лестницы, по которой только что спустилась. Дарс нависал надо мной черным силуэтом. От него пахло рыбой и алкоголем.

– Разве не понимаешь? – Тоже негромко сказал он. – Я

продам эти вещи. У меня закончились деньги, а мне надо на что-то жить.

– Но ведь это наши вещи, – я отклонилась от него, схватив обеими руками перила за моей спиной. Но мне больше некуда было пятиться, а он все так же пугающе нависал надо мной.

– Наши, ваши – какая разница? Ты всегда была так добра, так щедра, неужели ты откажешь мне, Аля? – Тут он сдернул перчатку, протянул ко мне левую руку и быстрым движением поправил воротник на моем платье. Сначала одну сторону воротника, потом другую. Просто одернул. Но при этом задел мою шею. В мгновение я ощутила это прикосновение его мозолистого пальца и вздрогнула. Дарс Олович беззвучно усмехнулся, скривив губы.

– Зачем вы... зачем вы пришли без приглашения? – Это «зачем вы» я произнесла, не подумав, едва он задел меня, но тут же собралась и закончила фразу первым же вопросом, возникшем в моей голове.

Он молчал. Потом вдруг резким движением снова потянул ко мне руку. Я вся сжалась, а он тихо рассмеялся, не тронув меня:

– Ну ребенок!.. – и опустил руку. Он только пугал меня.

– Почему вы просто не попросили у меня? – Сказала я, вспыхнув и чуть осмелев. Мне необходимо было что-то говорить ему, это придавало мне сил.

– А что, – ехидно произнес он, вновь приближаясь ко мне

и на этот раз поднимая мою голову за подбородок и заглядывая мне в глаза, – ты дашь мне все, что я захочу?

Так он смотрел мне в лицо какие-то доли секунды, а потом скинул сумку на пол, не отпуская меня. Выпал, звякнув, подсвечник. Наступила тишина.

– В доме есть еще кто-то? – Прошептал он.

Я помотала головой. Он держал меня за подбородок, и я не могла открыть рта, а движение он хотя бы заметил.

– Эх, знал бы, что тебя тут оставили, ни за что не пришел бы, – заговорил он громче. – А теперь, видно, судьба такая.

Он еще придвинулся ко мне. Я ощутила, как его огромное тело прижимается ко мне по всей площади, с ног до груди. А я не могла отклониться назад больше, чем он мне позволял, потому что он по-прежнему держал меня за подбородок.

Его глаза вдруг стали дикими, злыми, какими-то безумными. Он еще выше задрал мою голову и навалился на меня, до боли вжав меня в перила.

– А как же смысл жизни?! – Почти плача, пыталась говорить я. – Зачем же вы притворялись, рассказывали о тех людях и... и странах...

– Не волнуйся, детка, – шепнул он мне в ухо, а затем с шумом вдохнул воздух, словно обнюхивая меня, как добычу. – Следуя философии твоего друга, я искуплю свою вину.

Мой страх прошел так же внезапно, как появился. Мне вдруг стало обидно, что Пол и я, мы так глупо обманулись

в этом человеке, что мы оба совсем не разбираемся в людях – так обидно, что слезы полились из моих глаз, а щеки покраснели. Я понимала, что он хочет сделать со мной и с нашим домом. Но ужас внезапно сменился гневом и жгучим презрением.

– Не бойся, девочка, – сказал Дарс, другой рукой вытирая мои слезы, а потом мокрым пальцем задевая мою дрожащую нижнюю губу. – Я не сделаю тебе больно, если ты никому ничего не скажешь. Когда вернутся твои родители? – И он медленно, глядя на мои губы, принялся расстегивать самую верхнюю пуговицу моего домашнего платья.

Он думал, что я боюсь его.

– Ты сумасшедший. – Тихо сказала я.

– Ты просто еще очень молода и ничего не понимаешь в жизни. – Его пальцы скользнули ко второй пуговице. – Богатые должны помогать бедным, люди должны делать добро друг другу... Вот как ты сейчас. – Третья пуговица. – Ты просто пока молода. Ты же сделаешь мне добро, правда? Доставишь мне, так сказать, удовольствие? Да, ты даже слишком молода...

На шум вышел Том.

– Что здесь происходит? – Спросил он и включил свет наверху лестницы. – Кто вы? Господин Олович? Что вам надо?

Дарс растерялся, он явно не ожидал появления нового участника событий. Он отпрянул от меня, наступил на лежавшую у его ног сумку. Из нее посыпались серьги и кольца,

выпал и с глухим шумом описал полукруг на полу еще один подсвечник.

– Он пытается обокрасть нас, – сказала я, спешно застегивая платье.

– Вот как? – Том говорил очень спокойно, только выдержал паузу, во время которой оглядел меня, отметил мои манипуляции с пуговицами и весь словно содрогнулся. Потом он так же спокойно сошел с лестницы, открыл входную дверь и сказал Дарсу:

– Уходите. Я дам вам деньги. У меня есть накопления, я отдам вам их. Уходите и бродите себе дальше по свету, только в наш город больше не возвращайтесь.

Дарс Олович уже оправился от легкого испуга, быстрым движением сгреб почти все, что выпало, и надел сумку через плечо. Часть украшений укатилась и потерялась в полумраке, Дарс не стал искать. Услышав слова Тома, он очень разочлился, одним прыжком подскочил к моему брату и схватил его за горло, прижав к стене.

– Как ты смеешь, щенок, так говорить со мной! – Прохрипел он своим скрипучим голосом. – Я сам возьму все, что мне надо, но прежде тебя убью, чтобы ты не болтал!

Рывком он достал из-за пояса маленький черный револьвер старой модели и дулом поднял подбородок моего брата так высоко, что Том поморщился. Я вновь замерла от ужаса. На периферии сознания мелькнула глупая, несвоевременная мысль: и нравится же Дарсу Оловичу людям подбород-

ки поднимать. Я вцепилась в перила лестницы и так стояла, широко раскрыв глаза. Сердце мое билось столь сильно, что я чувствовала: вот оно ударяется о грудную клетку, словно пытается вырваться наружу, вот снова, снова... Том быстро посмотрел на меня и отвел взгляд. Он пытался найти глазами упирившийся в его подбородок пистолет, но в итоге лишь беспомощно вращал глазами яблоками. Двумя руками он вцепился в запястье Дарса, но это не возымело никакого эффекта. Дарс склонился над ним, как ворон над мышью, такой же черный и большой. Казалось, ничто не может ему сейчас помешать.

Секунду или две все молчало. Потом Дарс еще раз тряхнул Тома, и я, не выдержав, подалась вперед.

– Том! – Воскликнула я. – Не трогайте его!..

Я снова стала говорить Дарсу «вы», но он даже не обернулся. Я остановилась, не понимая, что мне делать, беспорядочно обегая взглядом комнату. Но что я могла предложить против пистолета, пусть и старого?

– Прощайся с сестричкой, – сказал Тому Дарс, еще сильнее прижимая дуло к впадине между его подбородком и шеей. – А с ней мы потом потанцуем.

Том снова посмотрел на меня, и в этом взгляде я прочла мольбу о помощи. Я опять бросилась искать глазами хоть что-нибудь. И нашла. В двух метрах от меня на низком столике осталась посуда: Том поужинал, но, как обычно, не убрал за собой. От стола меня отделял диван. Тихо

и быстро я перегнулась через его спинку и схватила столовый нож, испачканный сыром. Совершенно не думая, я прыгнула с ножом на Дарса. В этот момент он обернулся. Нож ударил по правой ключице и вонзился выше нее, в шею.

Дарс ахнул и подался ко мне. Он тут же отпустил Тома. одна рука понадобилась ему, чтобы потянуться к ране, из которой хлынула кровь. Другой он по-прежнему сжимал пистолет, но отчего-то не направлял ни на меня, ни на моего брата.

– Ты... – начал он, но не успел закончить. Колени его подогнулись, и изо рта пошла кровь. Он выронил пистолет, а следом упал и сам лицом вниз. Я стояла над ним, медленно осознавая, что произошло за эти секунды. Том отошел от стены и встал напротив меня. Он тоже смотрел на Дарса. И вновь несколько мгновений все молчало. Потом Том присел на колени и попытался перевернуть недвижимого вора одной рукой, у него не получилось. Я судорожно дышала, вперив взгляд в лужицу, появившуюся из-под лежащего Дарса. Лужица была красной, она причудливо изгибалась на малейших неровностях кафельной плитки, затекала в щели.

– Он умер? – Спросила я. Мой голос дрожал.

Том, наконец, перевернул Дарса двумя руками, и мы увидели окровавленное лицо с открытыми глазами и пугающей гримасой. Том с отвращением сморщился, отпрянул, но не отпустил тела, снова повернулся к нему, изучая лицо и рану Дарса с торчащим из нее ножом.

– Я убила человека, – прошептала я невольно. Как будто эти слова, сказанные вслух, могли что-то изменить. Я повторила их еще раз, и еще, но все равно не могла осознать произошедшего. Я закрыла лицо руками и отвернулась, продолжая шептать: убила... я убила...

– Нет, – ответил Том. – Ты спасла меня.

– Том, что мне делать, я же убила человека!

Он встал, обошел меня, вытер руки о свою футболку и отнял мои ладони от лица.

– Аля, ты не о том думаешь. Ты должна говорить, что спасла меня, ты спасла меня, Аля, ведь он бы убил меня, ты же знаешь, он бы убил меня, а с тобой...

Я знала, я все понимала. Но мое внимание было приковано к кровавым пятнам на футболке Тома. Я смотрела на эти темные полосы и не могла принять, как только что я, Алита Маргори, 14-летняя школьница, стала убийцей. Этот человек только что был жив, и вдруг я по своей воле сделала его пустым, я вынула из него душу, и вот он уже не человек, а тяжелое тело с жуткой гримасой на нашем полу. Как такое возможно?

– Что теперь будет? – Я плакала и дрожала, не замечая этого.

– Все будет хорошо! Все кончилось!

Том успокаивал меня и гладил по голове, но я чувствовала его страх и растерянность. Я подняла взгляд на его лицо: оно было белым, как бумага. Под скулами нервно ходили желва-

ки. И глаза: такие страшные... Это был жуткий взгляд, обращенный словно сквозь меня. Он боялся не меньше, чем я, даже несмотря на то, что наши жизни теперь были вне опасности. Он был шокирован.

Немного успокоившись, я села на диван, а Том остался стоять. Он напряженно о чем-то думал, не глядя на меня. Я смотрела на лежащее у его ног окровавленное тело Дарса Оловича. Видеть его гримасу было невыносимо. Я встала и подошла к телу, чтобы перевернуть его лицом вниз, Том даже не посмотрел на меня. Переворачивая Дарса, я зачем-то сняла с него сумку и стала ходить по комнате, расставляя по местам наши так и не украденные вещи. Я не совсем понимала, что делаю, просто ходила по комнате и расставляла статуэтки, убирала украшения, прятала по ящикам портсигары и блюда, вынимала из сумки папины древние монеты... Старинное серебряное зеркальце, в которое мама смотрелась каждое утро, не удержалось в моей дрожащей руке и с неприятным хрустом упало на пол.

– Что ты делаешь? – Воскликнул Том, обернувшись на звук.

– Я...

– Аля, ведь это улика! Мы скажем, как было, скажем, что он пытался ограбить нас, хотел убить меня, а ты меня защитила. Не трогай его сумку!

Но сумка была уже давно пуста. Оказывается, несколько минут я просто переставляла предметы с места на место

в сомнамбулическом состоянии.

Пришли родители. Я не могу себе и представить, что они испытали, увидев труп возле двери. Мы с Томом сидели на диване – так мы провели час до их прихода. И все это время я смотрела на тело Дарса, почему-то боясь оказаться к нему спиной. Когда вошли мама с папой, я только вздрогнула, но даже не подняла глаз. Я увидела, как их ноги остановились, как полы пальто метнулись от ног к вешалке, как ноги делают несколько шагов вперед и замирают, едва включается свет.

Том встал и сказал:

– Он пытался ограбить нас и напал на Алю. Это я убил его.

Мама зажала рукой рот и убежала в ванную. Отец несколько секунд не мог сдвинуться с места, переступить через лужу крови и пройти в комнату. Наконец, он сделал этот шаг и подошел к нам. Спросил, целы ли мы.

Через минуту вернулась мама. Она обняла меня и настойчиво повлекла за собой, проводила в мою комнату, тоже спросила, цела ли я. Я видела, как она испугана и растеряна, какое бескровное у нее лицо. Она вскоре ушла, и я осталась одна. Она забыла закрыть дверь, и я слышала, как внизу они с отцом обеспокоенно говорят с Томом. Потом папа начал звонить по телефону.

Я почему-то думала о том, что будет с телом Дарса. Как его похоронят? На чьи деньги? Будут ли его искать? Есть ли у него родные и друзья?.. Я еще не понимала, что и наши

заботы не кончились.

В комнату вошел Том. Он сел на мою кровать, а я повернулась к нему и тихо спросила:

– Почему ты так сказал?..

– Я боюсь за тебя. Вдруг они не поверят, что это было вынужденное... – Он не хотел произносить слово «убийство».

И я ощутила: наша беда продолжается.

– Но ведь тебя будут судить!..

– Ну и пусть. Я старше, я справлюсь. Ведь мы ни в чем не виноваты, так что все будет хорошо.

Я расплакалась. Совсем по-детски: обняла его, уткнулась носом все в ту же окровавленную футболку и разрыдалась. Том в тот момент был самым моим дорогим человеком. Я впервые поняла, что он любит меня, и всем существом, каждой клеткой почувствовала, что такое «брат» и как я тоже люблю его. И мне стало нестерпимо жаль времени, когда мы беззаботно играли вместе на заднем дворе, Том брызгал в меня водой из шланга, а я обижалась; мне до боли, до режущей тоски захотелось вернуть те дни. А сердце мое подсказывало, что все теперь будет иначе, что смерть Дарса принесла нам что-то очень плохое. Я плакала и дрожала, Том гладил меня по голове и прерывисто вздыхал. Никто из нас ни слова больше не произнес друг другу в тот вечер.

ГЛАВА 2

На следующий день Архента уже знала о произошедшем. Наш милый тихий городок испытал шок. Из властей у нас был только прокурор, а судьями в чрезвычайных случаях выступали горожане, собиравшиеся на совет. Но обычно на советах решали бытовые вопросы вроде графика чистки дороги на предстоящий зимний сезон. А тут – убийство. Таких внеплановых советов город не помнил, кажется, со времени убийства моей первой мамы...

Совет был назначен через день. За сутки все жители были уведомлены, что вечером им нужно явиться в здание школы. Эти два дня я провела дома, мне нельзя было никуда выходить, как и Тому. Прокурор задавал нам много вопросов. Я отвечала так, как просил Том. Прокурор ходил по нашему дому, собирал разные предметы, разглядывал потемневшие от крови прорези кафеля, забрал нож. Мама оставалась с нами, отец куда-то уходил, но ненадолго. Я почти ничего не ела. Я вообще старалась не выходить из своей комнаты, не спускаться вниз: там, между диваном и дверью, мне все виделось лежащее мертвое тело.

В назначенный вечер к нашему дому стали стекаться люди. Они шли к школе, но останавливались у нашего дома. Они стояли за оградой и смотрели в наши окна. Ждали.

Зашел только прокурор. Он сказал, что нам пора идти

и что он проводит нас. Мы вышли вслед за ним, за нами устремилась толпа. Я старалась не смотреть по сторонам, но все равно видела, как из-за поворотов появлялись новые люди. Они пропускали нас вперед, а потом присоединялись к горожанам. Среди них мелькнули лица нескольких моих одноклассниц, учителей. Мама комкала в руке платок и кусала губы. Папа был очень серьезен. Он смотрел вниз, его острая борода была печально опущена. У Тома на лице отчетливо выделялись скулы, они ходили ходуном так, словно он то и дело стискивал зубы. В остальном он вел себя спокойно, смотрел прямо, держался сдержанно. Он даже обернулся ко мне и попытался улыбнуться. Лицо его было бледным, улыбка получилась странной, пугающей.

У своей калитки стояли Пол и его мама. По-видимому, они нас ждали. Мама Пола поспешила к моей, а Пол, увидев меня, только сказал:

– Привет... – и замолчал. Я смотрела, как его мама успокаивает мою, и тоже молчала.

– Он хотел убить тебя? А мы ему так верили...

Я кивнула.

– Я восхищаюсь Томом.

Я снова кивнула.

– Все будет хорошо, Аля, ведь он невиновен. Его оправдают.

Я всхлипнула, но ничего не сказала Полу. Прокурор жестом поторопил нас.

У самой школы Том остановил меня и тихо шепнул:

– Что бы ни случилось, Аля, молчи. Пожалуйста, сделай это для меня. Молчи.

Я опустила глаза.

Совет показался мне долгим и мучительным. Том рассказал им свою версию, но они не могли поверить, что Дарс Олович, этот «милый, приятный гражданин», этот «умный и общительный человек» – грабитель. Они не хотели слышать, кем Дарс был в действительности. Они рассказывали, как он помогал им. Хозяин кафе вспомнил, что у Дарса были проблемы с деньгами, но он их решил: оказывается, за несколько дней до происшествия Дарс обзавелся бюджетом и объяснил, что средства прислал ему некий работодатель. Вдруг о Дарсе стало известно очень много. Что он не просто путешествовал, а писал статьи и книги, делал фотографии, регулярно пересылал свои работы куда-то и хорошо получал. Кто-то сказал, что у Дарса не было семьи, и теперь долг горожан – похоронить тело со всеми почестями. Всплыло, что Тому не хватало средств на мотоцикл, о котором он давно мечтал. Родители не позволяли ему водить мотоцикл и, тем более, не давали на покупку денег. Наконец, выяснилось, что Том за неделю до происшествия приглашал Дарса к нам на ужин при своих друзьях. Последним было показание одного из учителей. Он рассказал, как в позапрошлом году Том несколько раз крал у одноклассников мелкие

предметы прямо во время урока. Том пытался возразить, что это была такая шутка, что, посмеявшись над растерянностью человека, он всегда возвращал вещи. Но люди уже смотрели на него как на какого-то чужого Тома. Крал вещи? Хотел купить мотоцикл без ведома родителей? Искал деньги на покупку? «Мы его таким не знали», – говорили одни. «Дитя художников, он странно воспитан», – вторили другие. «Нельзя доверять людям из богемы, странная семья», – присоединялись третьи. И я уже слышала, как все вокруг осуждают нас четверых.

Мама рыдала, когда они принимали решение, и отец обнимал ее за плечи. «Кто считает, что Томас Алинор Маргори виновен в убийстве Дарса Оловича с целью грабежа?» За, за, против, за, против, за, за, за... Руки поднимались одна за другой.

– Но ведь это Олович хотел обокрасть нас!

– Почему же его сумка была пуста?

Как мне было плохо в эту секунду! Ведь это я достала наши вещи из его сумки...

Сто двадцать восемь «против», сто сорок девять «за». Эти люди предпочли сохранить миф о незнакомом человеке, чем оправдать невиновного, того, кого они знали всю жизнь. Вдруг они решили, что все это время они обманывались в Томе. Почему они не допускали, что обманулись в незнакомце? Как он мог так очаровать их меньше чем за месяц?..

Приговор был прост – изгнание. Тома изгоняли из города.

Так поступали с преступниками: пусть, мол, творят зло где-нибудь в другом месте. Том должен был уйти из города, он не мог поддерживать отношения с кем бы то ни было из Архенты, он не должен был возвращаться. Никогда.

Я чувствовала гнев, я не хотела жить в этом городе, с этими людьми. Я что-то кричала сквозь слезы, кого-то обвиняла. Папа крепко держал меня. Маму трясло. Когда ярость чуть поутихла, я начала понимать, что завтра Том уйдет из Архенты навсегда, и что виновата в этом я. Я по какой-то нелепой прихоти уничтожила улику, я убила человека, а Том взял мою вину на себя. Я боялась на него посмотреть. Мне казалось, что он самый лучший человек на свете, а я – самый гадкий, самый ничтожный предатель. Я словно отправила его на казнь за пару серебряных подсвечников и побрякушек. Все виделось мне во мгле, я не понимала, как мне теперь жить. Меня держала только беспричинная надежда, что все обойдется, что Том останется, что до утра произойдет какое-то чудо.

Пол сжал мою руку и сказал:

– Скажи Тому, что я ему верю. Я знаю, что он сделал это по необходимости. Скажи ему это.

Он не отпускал мою руку, сжимал ее крепко. Мои губы дрожали. Я отвернулась и смотрела на окно, стараясь сдерживать слезы. Начался дождь. Школа стояла на холме, и я видела, как город скрывался под наступающей пеленой воды. Капли застучали по карнизам и крыше. Том сидел невдалеке,

рядом с мамой, – он тоже смотрел на дождь. Смотрел и дедушка, сидевший подле сына – нашего отца. Больше никого в огромном зале не интересовали эти «слезы грусти».

На следующее утро Том собрал все вещи, которые хотел взять с собой, и спустился в гостиную. Мама дала ему еду и деньги. Я старалась ни на кого не смотреть. Они обнимались так долго и так крепко, как никогда в жизни, и впервые я заметила слезы на папином лице. Только Том не плакал. Он даже старался улыбаться, и каждая его улыбка обжигала меня, ведь он уходил вместо меня.

Наконец, он подошел ко мне.

– Аля...

Я бросилась к нему на шею и долго повторяла:

– Прости меня, Том, пожалуйста, прости, прости...

– Все в порядке, Аля. Вот только не знаю, смогу ли простить Дарса Оловича... Лучше бы он нас просто ограбил: и сам бы жив остался, и... Алька, не плачь, а то я тоже расплачусь.

Но я плакала. Я утыкалась ему в плечо, дышала его запахом, старалась запомнить все: как моя щека касается его серой кофты, как бьется его пульс в треугольнике яремной впадины, как его длинные волнистые волосы лезут мне в глаза. Я не могла посмотреть ему в лицо, так мне было стыдно. А он не винил меня. Совсем, ни капли. Он абсолютно не жалел о том, что уходит вместо меня.

Он обещал написать нам, когда осядет где-нибудь, и передать письмо вопреки правилам. Ведь мы теперь были семьей изгнанника, и наша почта должна была проверяться. Но он уверял, что письмо обязательно придет, что он не пропадет, что все будет хорошо, что это шанс для него, ведь в больших городах столько возможностей, столько нового и интересного. Он даже шутил. Я подарила ему брошку с бирюзой, мою любимую. Прицепила прямо на кофту, и Том не сопротивлялся. Он ласково улыбнулся мне и потрепал по волосам, стараясь подчеркнуть, что все нормально.

Дедушка тоже пришел. Он крепко обнял Тома:

– Мир знает, что ты не виновен, и духи помогут тебе.

А Том вдруг поклонился дедушке, согнув плечи и сложив ладони у подбородка.

Когда он спустился с крыльца, мама снова бросилась к нему, обняла его и расцеловала, и не хотела отпускать, но он мягко отстранил ее. В то утро над Архентой стоял невероятно густой туман. Том шел, не оглядываясь, и скоро скрылся в этой пелене. А мы долго еще стояли на крыльце и молчали. Тома давно не было видно, но мне все мерещился его силуэт в дымке.

С тех пор я больше не видела Тома.

* * *

С осознанием того, что я совершила, я прожила месяц.

Дарса Оловича похоронили горожане, считавшие его невинной жертвой. Его могилу на местном кладбище даже украсили небольшим памятником за счет города. А о нас написали в местной газете и заговорили, наверное, в каждом доме. Мне некуда было деваться от взглядов и шепота. Родители предложили мне какое-то время пожить у дедушки, вдалеке от остального города, даже в школу не ходить. Но я не могла согласиться: разве была я достойна спокойного отдыха на реке? Тем временем, Архента разделилась на два лагеря: на тех, кто считал Тома невинным, и тех, кто был уверен, что мы – семья убийцы. Вторых было больше.

Я видела Тома во сне и мучилась угрызениями совести наяву. То есть никогда, никогда мысли о Томе и чувство вины не оставляли меня. Они сверлили мою голову и грызли мое сердце.

Я не могла понять, как люди осмелились осудить моего брата – ведь он прежде был всеми любим! И как Том решился взять вину на себя. Как вообще это могло прийти ему в голову, как он осмелился, понимая, что его будут судить? И почему я смолчала на совете, когда я должна была все рассказать! Если смысл жизни в том, чтобы делать добро, то я совершила абсолютное зло. Много людей пострадало из-за меня. Дарс Олович мертв: быть может, он не был таким уж плохим, просто нужно было ему помочь? Мама рыдает и совсем не говорит. Отец успокаивает ее, но ему самому не лучше, ведь изгнан значит почти то же, что умер. А Тому не суждено

больше увидеть свою семью и родину. Я в одночасье стала убийцей, предательницей и лгуньей, и никто не мог утешить меня. Я стала сторониться людей, снова проводила вечера у старого своего разрушенного дома и плакала там. Я не могла говорить даже с Полом, потому что он хотел ободрить меня и не знал, что именно я и виновата в произошедшем. Он думал, что я только оплакивала брата, а я оплакивала себя. Я не представляла, как дальше жить мне с этим бременем и что теперь поможет мне стать прежней.

Единственный способ облегчить душу виделся мне в том, чтобы рассказать правду. Я понимала, что прежде всего ее должны услышать несчастные наши родители, вдруг потерявшие сына. Но я не могла открыться им. Иногда мне снилось, как я начинаю разговор с мамой, но окончание сна всегда происходило в жутких образах. И тогда я решила открыть правду всему городу, каждому жителю Архенты, всем, кто осудил Тома, кто считал его убийцей. Я понадеялась, что в толпе шокированных людей лица моих родителей потеряются, что, может быть, мама с папой пожалеют и смогут простить меня. О, это была очень наивная надежда: я не учла, что для матери нет ничего на свете важнее и значимее родного сына.

Когда в городе устроили собрание по поводу летних праздников все в той же школе, где еще недавно судили Тома, я, дрожа, вышла вперед и сказала:

– Пожалуйста, выслушайте меня. Месяц назад вы осуди-

ли моего брата, Томаса Маргори, за убийство, которого он не совершал. Вы даже не представляете, какого благородного человека лишился ваш город. Я прошу вас, не перебивайте меня и не кричите. – Хотя никто не перебивал, напротив, все, кто говорил, умолкли. – Я скажу вам, что произошло в тот вечер на самом деле. Дарса Оловича убила я. Он пытался ограбить наш дом, мы с Томом помешали ему, и он решил убить Тома, а потом, наверное, убил бы и меня, но я оказалась быстрее. Том взял вину на себя, потому что боялся, что вы не поверите, и в этом он оказался прав. Он не хотел подвергать меня опасности. И это я зачем-то разобрала сумку Дарса и расставила предметы по местам. И пистолет был не наш, это был пистолет Дарса Оловича.

Я замолчала. Люди молчали тоже. Я хотела еще что-то сказать, но голова моя вдруг совершенно опустела, слова потерялись. Длинный монолог, который я несколько раз репетировала, полностью стерся из памяти. Я стояла напротив сотни людей в зале. Мои уши горели. Мне показалось, что тишина вокруг меня звенит.

Отец смотрел на меня с изумлением. В глазах матери уже начинало читаться понимание, а с ним и какое-то другое, страшное чувство. Пол был поражен, он разомкнул губы и не сводил с меня взгляда. Дедушка опустил глаза и печально кивнул.

Я поняла, что мне нужно что-то еще сказать, иначе этот шок продлится очень долго, так долго, что я не выдержу

и убегу вон или расплачусь прямо здесь, на этом месте, как самое жалкое и отвратительное на свете существо.

– Я прошу вас принять верное решение, – пролепетала я. – Решение по поводу меня. Я вам не вру. Я клянусь, чем хотите, клянусь! Я все рассказала, потому что не могу... не рассказать.

И через несколько мгновений тишины люди заговорили разом, зал загудел, а мне казалось, что это гудит моя голова.

– Мы не должны осуждать девочку, – громко сказал кто-то. – Том взял вину на себя по собственному желанию.

– Откуда нам знать! Быть может, она обманула его или чем-то шантажировала его!

– Она чужая! Она подкидыш! Неизвестно, откуда она, какое зло принесла она с собой! Каковы ее корни, кто знает?

– Она всегда была не такой, как все!

– Даже если Дарс пытался ограбить их, и все было, как она говорит, она виновна, потому что должна была сказать правду! Как она могла обречь семью, воспитавшую ее, на такое горе?

– Мы оклеветали Тома по ее вине!

Вдруг поднялась мама Пола. Ее лицо было покрасневшимся, словно с мороза.

– Что с вами? – Воскликнула она. – Сначала вы предпочли считать невиновным незнакомого человека! Знаете ли вы, кем он был? Быть может, он преступник, скрывающийся от властей! Думали ли вы об этом? Нет. Вам приятней ве-

ритель его сказкам и байкам, чем словам своего земляка. Вы знаете Тома с детства, и вы с самого начала понимали, что он не способен на убийство. Вы знаете с детства и Алю. Какое имеет значение, где она родилась? Неужели вы всерьез думаете, что она способна хладнокровно убить человека и оклеветать брата? Это тихая, скромная, добрая девочка!

– Ваш сын слишком долго общался с ней, миссис Джонсон, – заметил кто-то. – Вы не объективны.

Пол вскочил и начал кричать, люди отвечали ему, поднялся шум. Я пятилась от них к окну и судорожно глотала воздух, стараясь не разреветься. Мне казалось, это уже не люди, а какие-то злобные духи готовятся растерзать меня за мою вину. Но им все же удалось замолкнуть. И, я не заметила, как и когда, они пришли к единому решению: «мать Томаса сама должна вынести приговор».

Мама встала. Ее правая рука сжалась в кулак так, что побелели костяшки пальцев. Ее влажные глаза горели, словно угли. Мне было страшно смотреть на нее. Я уставилась на этот ее побелевший кулак и замерла. Воцарилась тишина, в которой мама сказала:

– Пусть она вернет мне сына.

Все молчали. Я была готова к такому решению, я, может быть, и сама бы ушла за Томом, даже если бы они разрешили мне остаться. Но я не была готова, что этот приговор произнесет человек, воспитавший меня и заботившийся обо мне как о родной дочери. Что произнесет его так быстро и так

жестко. Да, надежда моя была очень наивной.

Я не держу на нее за это зла. Сама себя я наказала бы не меньше. Но с того дня я стала звать этих людей только так – родители Тома. Вдруг оказалось, что мы никогда и не были семьей, родными, близкими. Просто я с этим смирилась так, что перестала замечать.

Пока все эти мысли неслись теньями в моей голове, люди голосовали.

– Ты поняла приговор? – Тихо спросил прокурор.

Я кивнула, глотая слезы обиды, горечи и страха.

– Сегодня вечером ты покинешь город и имеешь право вернуться только с Томом Маргори. Ты можешь взять столько вещей и денег, сколько пожелаешь. Ты имеешь право только сообщать мне информацию о местонахождении Томаса. Вести переписку с... семьей ты не сможешь.

Даже прокурор осекся на слове «семья». В мгновение это вызвало во мне ноющую тоску. Я почувствовала, что вишу в пустоте, словно подо мною не было пола, а под ним не было фундамента, горы, земли и города. У меня не было семьи, родины, корней и дома. Я должна была уйти вечером, и мне больше некуда было возвращаться.

Я снова кивнула и уже хотела идти собираться, но Пол вдруг вскочил с места и подбежал ко мне.

– Я никого из вас не осуждаю, – сказал он, – но только если вы прогоняете Алю, я иду с ней. – И он схватил меня за руку.

Конечно, его начали отговаривать, просили подумать о матери, которая смотрела на него со смертельным ужасом, но Пол всегда был упрямым. Он повел меня прочь. Он никого не слушал.

– Встретимся у моего дома через три часа, – сказал он мне.

– Не делай этого, Пол. У тебя здесь все, ты здесь счастлив, а кто знает, что ждет тебя там?..

– Это не важно. Если эти люди такие, мне не нужны они и все, что с ними связано.

– А как же твоя мама? Она любит тебя, она с ума сойдет!

– Ты все-таки не знаешь ее. Она поймет. Ей, конечно, будет трудно, но она поймет. Я просто должен так поступить, и она хорошо это знает.

Пол ушел собираться. Я видела, как его мама выскочила из школы и побежала, догоняя фигурку сына. «Пол, стой!» – кричала она. А Пол не понимал, что теперь я чувствовала еще одну вину. Я брела к дому, в котором я вроде бы еще жила, и думала, что не смогу пережить, если с Полом что-нибудь случится в пути.

Но в глубине души я радовалась: тому, что буду не одна, тому, что Пол действительно оказался моим лучшим другом. И я винила себя в этой радости, которая то и дело всплывала на поверхность.

Я взяла теплую одежду, еду и те деньги, что у меня были. Вернулись родители Тома, но они не говорили со мной. Правда, отец предложил мне крупную сумму денег, но я

не взяла. Я ничего не желала от них принимать, и они ничего больше мне не предлагали.

Я простилась со своей любимой комнаткой, в которой провела столько счастливых мгновений. Я шагнула в комнату Тома, но сразу вышла, не сдержав слезы. Я побродила по нашему саду и провела рукой по кустам розы и настурции, по цветущим яблоням, среди которых я так любила читать. Я хотела пройтись по городу, но потом представила, как будут смотреть на меня его жители, и передумала.

Вечером я спустилась из своей комнаты. Родители Тома сидели на диване и ждали меня. Я постаралась, как могла, поблагодарить их за все, что они сделали для меня. Я понимала: на самом деле они сделали очень многое, а я действительно виновна в обмане против их сына. Я попросила их простить меня, если я не найду Тома. Отец обнял меня, а мать снова расплакалась – она не могла простить такого. Я спустилась с крыльца, вышла за калитку и пошла к дому Пола – не оглядываясь, как и Том недавно. Душный вечерний воздух кружил голову яркими цветочными ароматами. На улице было необычно много людей. Они провожали меня взглядами, но я не слышала ни единого слова.

Пол и его мама уже ждали меня у своего крыльца. Она обняла сына и поцеловала его, а потом обняла и меня. Она выглядела заплаканной.

– Простите меня, – сказала я. – Я правда хочу, чтобы Пол остался...

– Не вини себя, Аля, ведь это его решение. Быть может, вы сумеете найти лучшую жизнь. – Она поцеловала меня. – Береги Пола. Он обещал мне, что вернется, и я очень хочу, чтобы он сдержал слово.

Когда мы уже уходили, она крикнула нам на прощание:

– Берегите друг друга!

Люди на улице оглянулись на ее крик и снова повернулись к нам, а мы старались не смотреть на них. Людей становилось все меньше, наконец, мы остались одни, но по-прежнему напряженно молчали. Мы уже вышли за город, но не проронили ни слова, пока не дошли до дедушкиного дома.

– Давай зайдем, – попросил Пол.

– Конечно, – я и сама хотела попрощаться с дедушкой.

Как обычно, он угостил нас чаем с вареньем и предложил остаться на ночь, но мы отказались. Тогда дедушка сказал, что проводит нас до реки под горой, где Архента кончалась, и мы пошли вместе по пыльной дороге.

– Вы храбрые ребята, – сказал дедушка. – Я горжусь вами. Я в свое время не решился покинуть город.

– Дедушка, ты не осуждаешь меня? – Спросила я.

– За что? За то, что ты спасла моего внука? Алечка, да я от всей души тебе благодарен. Я осуждаю город...

Пол согласно кивнул.

– Ты догадывался? – Спросила я у дедушки.

– Я все понял, когда на совете пошел дождь. Природа оплакивала Тома. Он брал на себя чужую вину.

Странно, но я почти не осуждала горожан. Их приговор (а точнее – приговор матери Тома) даже казался мне логичным: в искупление убийства мне предстояло найти Тома и вернуть его в семью. Да, было неприятно вспоминать, как люди называли меня чужой и кричали обо мне гадости. Но это была только обида, потому что их слова были верны. Я действительно убила человека, действительно оклеветала Тома – разве умолчание правды не является ложью? И, действительно, никто не знал, чьей дочерью я была, какое наследственное зло могла носить в своей душе. У людей был повод опасаться меня. А у меня была причина уйти.

Мы достигли реки, и там, на берегу, дедушка тепло попрощался с нами. Он посоветовал нам идти на вокзал и ехать в Рону, потому что именно туда хотел отправиться Том. Это было очень далеко, но выбор Тома не показался мне странным: большой город, новая жизнь подальше от старой. Дедушка поцеловал каждого из нас и пожелал удачи. А еще он просил, чтобы мы чтити духов, и сказал, что тогда духи помогут нам. Я посмотрела на реку и вспомнила, как мы плавали по ней в лодке, разговаривая о духах.

Когда мы распрощались с дедушкой и перешли речку по мосту, Пол сказал:

– Помнишь, когда мы были у твоего дедушки, он долго о чем-то говорил со мной, и я не сказал тебе, о чем?

– Помню.

– Он сказал, что твоя жизнь вскоре должна измениться.

– Откуда он узнал?

– Он говорил, что духи отметили тебя и дали знак тебе в день твоего рождения в этом году.

– Тогда вдруг выпал снег...

– Он сказал, что мы неслучайно стали дружить с того дня.

А еще сказал, что в какой-то момент от моего выбора будет зависеть твоя судьба.

– Что это значит?

– Не знаю. Но хочется думать, что выбор я сделал правильный.

Мы помолчали. И не знали еще, что тот самый судьбоносный выбор Пола пока впереди.

– Прости, что я не рассказала тебе правду обо всем, что случилось.

– Да ладно. Я ведь тоже не рассказал, о чем мы с твоим дедушкой секретничали.

Мы улыбнулись, и расставаться с прошлым стало немного легче. Только изнутри, глубоко под кожей, за мышцами и костями, я ощущала грызущую тревогу. Меня не покидало чувство, что одним взмахом кухонного ножа я изувечила сразу три жизни: вора Дарса, брата Тома и друга Пола.

ГЛАВА 3

Дойдя до вокзала под горой, мы направились к кассе. Я хотела заплатить за билеты, но Пол упрямо всунул мне в руку половину суммы. Кассирша протянула два билета на ближайший поезд в сторону Роны, который должен был прийти через час, и мы сели ждать. Нам очень повезло, ведь в сторону Роны поезда ходили редко, до отказа полные, и мы не надеялись, что остался хотя бы один билет, тем более всего через час.

– Что мы будем делать, когда приедем в Рону? – Спросил Пол. – Это большой город...

– Не знаю. Может, расклеим объявления, поспрашиваем людей. На худой конец, обратимся к гадалке.

– Ты серьезно?

– Наверное. Я просто... я не знаю, что нам делать.

– Где мы будем жить?

– На улице, Пол, где же еще, у нас ведь никого нет в Роне. Денег на гостиницу не хватит.

Он не ответил и только через какое-то время сказал:

– Хочешь пирожок? Мама испекла нам пирожки с повидлом...

Я улыбнулась и кивнула. Мы сидели на желтых деревянных креслах, ели пирожки и ждали своего поезда. Кроме нас в зале был мужчина, он дремал в дальнем углу, закутанный

в плащ, и мы не обращали на него внимания. Хотя Пол, помню, отметил его широкополую шляпу. Все пока было хорошо, мы не думали о будущем.

Через час мы вышли на перрон. Начало смеркаться, а вдали уже показался поезд. Какие-то ночные птахи щелкали в лесу за станцией, шелестели листья деревьев и стрекотали сверчки в высокой траве у перрона. Небо было облачным и ветреным, но зато живым: облака текли по нему и постоянно менялись, словно дышали и вообще жили своей жизнью. Далеко на горе, с которой мы спустились час назад, горела огнями Архента.

Гудок поезда был похож на чей-то голос – знакомый, манящий, родной, только почему-то забытый. Это ощущение породило во мне странную тоску: хотелось одновременно плакать и радоваться этому печальному вечеру. Поезд остановился, открытые проводницей двери проглотили нас и сразу захлопнулись: дольше минуты поезда у нас не стояли. Одинокий мужчина в шляпе тоже сел в поезд, в первый вагон. Оказавшись в тамбуре, я прильнула к стеклу двери напротив перрона. Поезд набирал ход, разворачивался, ускорялся стук колес, а я смотрела на неподвижную гору с огнями города на ней и бег черных облаков над Архентой. Пол молча взял сумки и унес их в вагон, потом вернулся и встал рядом со мной. Он не смотрел на Архенту, но, видимо, не хотел оставлять меня одну.

Наши места были в третьем вагоне, на нижней и верх-

ней полке плацкарты. В тусклом свете вагонной лампы я разглядела пожилую женщину, спящую вверх. Возле столика, низко склонившись над книгой, сидела девушка с бритой головой – или, может быть, лысой. На боковушке ужинали в полумраке старик и девочка лет восьми, с желтой панамой на голове. Девочка взглянула на нас исподлобья. Женщина проснулась, зашевелилась, бросила на нас равнодушный взгляд. Девочка продолжала следить за нами, не отрываясь от еды. Ее чем-то заинтересовал Пол.

– Здравствуйте, – сказал всем им Пол и улыбнулся. – Мы будем вашими попутчиками.

Старик и женщина сразу потеряли к нам интерес, а девочка приподняла подбородок. Она ела бутерброд с сыром, и ее лицо было покрыто крошками. Ее большие светлые глаза ярко блестели: теперь она задрала голову так, что ее лицо оказалось прямо в пятне света. Она вытерла крошки рукавом и моргнула. Я поняла, что часть крошек – это темные веснушки.

Лысая девушка отложила книгу и сказала:

– Я Арина. Сходите к проводникам, возьмите постель, а то потом свет совсем погасят, и стелить будет неудобно...

Пол решил спать наверху. Не знаю, действительно ли он хотел там спать или просто уступал мне более удобное место. Со своей постелью он справился на удивление быстро, закинул сумки на полку под потолком и предложил мне помощь. Я отказалась, и тогда он свесился со своей полки, что-

бы наблюдать, как я мучаюсь с матрасом. Постель почему-то все время съезжала в бок – или просто у меня все валилось из рук?

– Вы брат и сестра? – Спросила Арина. Старик ушел мыть банку из-под еды. Девочка смотрела на нас.

– Нет, – ответил Пол. – Мы друзья.

– Куда вы едете?

– В Рону.

Больше вопросов не было. Арина снова уткнулась в книгу, а мы с Полом купили у проводницы чай и сидели на крышке мусорного бака в тамбуре. Это была моя идея: я хотела побыть подальше от других людей. Лампы в вагоне светили все бледнее и, наконец, почти погасли, а тамбур по-прежнему был ярко освещен. Я смотрела в окно и зачем-то считала леса и поля, которые мы проезжали: три поля, один лес и еще деревенька... Интересно, похожа ли жизнь в ней на ритм Архенты?

– Чай кончился, – вздохнул Пол.

– Интересно, что сейчас делает Том?

Пол не ответил.

– Может, поиграем в карты? – Предложил он. – Я взял.

– Нет, Пол, не хочется.

– Давай нормально поужинаем.

– Мы уже поужинали чаем и последними пирожками. Еды мало, нужно оставить.

– Тогда, может, поговорим?

Пять полей, два леса, рощица и болото...

– Почему ты пошел со мной?

Он задумался.

– Если честно, не знаю... Может, хочу перемен или ищу приключений? Но вроде, нет. Хочу помочь тебе – это да. Но почему так быстро решил... не знаю, Алька.

– А вдруг мы умрем?..

– Глупости. Сейчас совсем нетрудно выжить. Мы найдем Тома и вернемся в Архенту.

– Да? Я не хочу возвращаться.

– Я, вообще-то, тоже, но я маме обещал. И потом, представляешь, какие там у всех будут лица, когда мы вдруг придем – а они-то думали, что никогда больше нас не увидят? И как мама обрадуется...

Девять полей, две речки, еще одна деревня и пара ручейков, а лесов больше нет.

– Ты чего не пьешь чай? – Спросил Пол. Я одним глотком опустошила оставшееся содержимое стакана и сказала:

– Пойдем спать.

– Как знаешь...

Мы вернулись в вагон, расправили кровати, и Пол залез на верхнюю полку. Наши соседи уже спали, старик тихонько храпел. Лысая девушка лежала на нижней полке на спине, раскинув руки. Ее левая ладонь попадала в луч дежурного ночного света. Я обратила внимание, что эта ладонь так сильно изодрана, словно девушку долго тащили по гравию.

Я села, обняв руками колени, и стала смотреть сначала на эту ладонь, а потом на дрожащую от движения поезда полупустую бутылку с водой, стоявшую на столе.

– Пол, ты спишь? – Зачем-то спросила я через несколько минут.

Он не ответил, но я знала, что он не спит. Пол никогда не засыпал так быстро. Наверное, он просто понял, что мне нужно хотя бы немного этой ночью побыть одной, пусть и среди спящих людей. Я смотрела на темноту за окном, и мне было очень одиноко. Я, конечно, была благодарна Полу за его поддержку, но все-таки он не мог ничего изменить. Он не видел убитого Дарса Оловича во сне, он никого не сделал изгнанником, никого не потерял, и он не мог понять, что я чувствовала. Но он делал все, что было в его силах.

Я не помнила, как уснула. Меня разбудил звонкий смех девочки в боковушке напротив. Они с Полом играли в карты, и старик – видимо, дедушка девочки, – с улыбкой смотрел на них. У него были черные зубы и приятные, добрые глаза с глубокими морщинами в уголках век. Я вдруг подумала, сколько в мире есть хорошего и светлого, что мне нужно увидеть, – надо только забыть о пережитом, хотя бы на время, и даже сейчас можно наслаждаться жизнью, как это делает Пол. Я села на кровати и спросила их:

– Можно с вами?

– Можно, – ответила девочка.

Пол улыбнулся.

В поезде мы провели трое суток. Три долгих дня мы ехали из одного края огромного мира в другой, на самый запад, в большой и незнакомый город, куда направился и мой брат. Почему он выбрал именно Рону, мы не знали. Но вряд ли он соврал дедушке.

Девочка – ее звали Минора – как-то прикипела к нам, особенно к Полу, и все эти три дня не отходила от него. Пол вообще хорошо ладил с детьми. В Архенте он часто сидел с соседскими ребятами, мальчиком и девочкой, пока их родителей не было дома. Дети звали его «дядя Пол» и трогательно обнимали тонкими ручками, когда он приходил к ним, а он смеялся, и они в ответ тоже. Им казалось, что ему приятно, и они обнимали его еще крепче. Полу действительно было приятно. Дедушка однажды увидел, как Пол играет с детьми в прятки, и сказал мне:

– Пол хорошо ладит с детьми – значит, он чистый человек. Маленькие дети видят наш дух. Запомни, детка, если ты когда-нибудь окажешься в беде, обратись за помощью к ребенку – дети не откажут и не соврут.

Я вспоминала это иногда, глядя, как Минора гордо восседает у Пола на коленях. В первый день мне надоело, что она всюду ходит за нами, но потом я привыкла, и Минора даже стала мне нравиться. Ее большие открытые миру глаза небесно-голубого цвета были такими ясными и смотрели с таким доверием и нежностью, что их невозможно было

не любить.

Пол звал Минору Малышкой или просто «Малыш», и я, незаметно для себя, стала звать ее так же.

Большую часть времени мы играли в карты или часами напролет пили чай и болтали. Малышка подбегала к бабушке, делала жалостливое лицо и нараспев просила:

– Можно я поиграю с ребятами в та-амбуре?..

Дедушка разрешал ей, сначала с опаской, а потом и с улыбкой. И мы сидели по вечерам в тамбуре, Пол рассказывал забавные страшилки, в которых черный человек вдруг высовывал из-за спины руку с воплем «Отдай мое сердце!», Малышка вскрикивала, и мы смеялись, а потом чуть ли не силой загоняли ее спать. Один раз, желая усыпить эту энергичную девочку, Пол присел к ней на полку и стал считать веснушки на ее лице. Она сначала хихикала, но скоро действительно заснула под счет. С утра Малышка просыпалась раньше всех, и когда мы шли умываться, она уже сидела у окошка в своей желтой панамке и ковырялась в раскраске. Панамку она почти не снимала.

Иногда она издавала смешные звуки, как будто пародировав разных животных. Эти ее «Мяу!», «Ме!», «Бе!» были первым, что мы слышали утром. Некоторых пассажиров это раздражало. Пола, кажется, умиляло. А меня – отвлекало от неприятных мыслей. Ночью я видела странные, жуткие сны, понимала весь абсурд видений, но не имела возможности выбраться из них. Я много раз просыпалась, не выби-

раясь из сна, а потом просыпалась снова, продолжая спать. И только «Ме!» и «Мяу!» были моим спасением. Я приходила в себя от шалостей Малышки и больше уже не смыкала глаз, чтобы не погрузиться вновь в дремоту, полную жутких образов.

Так прошло три дня. На третий вечер, когда мы снова болтали в тамбуре, я спросила Минору:

– Откуда вы? И куда едете?

И она ответила, нахмурившись:

– Дедушка везет меня в интернат. Он хороший, но у него мало денег, и он не может прокормить меня. Я так не хочу туда, я ведь больше его не увижу... это плохой интернат, для плохих детей, я все слышала!.. Ме! – И, мгновенно насупившись, она развернулась и убежала в вагон. Мы видели через дверное стекло: она уселась на любимое место в своей «боковушке», схватила фломастер и с безумным ожесточением начала терзать раскраску.

Через несколько минут она вдруг снова появилась в тамбуре. Она уже знала, что мы с Полом ищем моего брата. В ее маленькую головку, укрытую панамкой, пришло очевидное ей решение проблемы.

– Возьмите меня с собой, пожалуйста, – прошептала Малышка. – Я тоже буду искать твоего брата. Мяу! Ме! – Мы вздрогнули от неожиданно громких звуков, и тогда впервые я подумала, что, может быть, издавала она их вовсе не бабы ради, а по какой-то непонятной внутренней необходимости.

сти. – Возьмите меня, я хочу с вами!.. Возьмите! Мяс! Мяс! Мяс! Мяс!! – Она затрясла головой, заплакала, все продолжая громко и отрывисто мяукать. Я испугалась: казалось, у Малышки случился нервный припадок или что-то вроде того.

– Не плачь, Малыш... – Тихо сказал ей Пол, крепко обнимая маленькие дрожащие плечи. – Конечно, мы возьмем тебя.

– Правда? – Обрадовалась девочка, в один миг переходя от рыданий к восторженной улыбке.

– Да? – Удивилась я.

– Я скажу дедушке! – И Малышка счастливо унеслась в вагон.

– Почему бы и нет? – Пожал плечами Пол. – Ей тоже одиноко и некуда идти.

– Но в интернате ей будет лучше, Пол! Ты думаешь, мы сможем выкормить и воспитать ребенка?

– Сможем.

– Пол, с ней, кажется, что-то не так...

Пол помолчал, анализируя, видимо, свои впечатления.

– Мы всегда сможем привести ее в интернат, если дела пойдут совсем плохо, – сказал наконец он.

Я вспомнила слова дедушки: «Если ты окажешься в беде, обратись за помощью к ребенку...»

– Дедушка не отпустит ее.

– Почему же? Какая ему разница?

– Ну конечно же ему есть разница! Он знает нас три дня – считай, что совсем не знает! А она его внучка...

Но тут появился и сам дедушка Миноры. Он вышел из вагона, сутулый и утомленный, и тихим голосом спросил:

– Вы хотите забрать мою внучку, дети?

У него был мягкий и низкий голос. И в этом голосе не звучало никакой претензии.

– Ну не то чтобы... – начала я. – Она попросила, и вот...

– Она заплакала, – сказал Пол. – Она сказала, что вы везете ее в интернат для плохих детей. Она что-то такое где-то услышала. Она попросилась пойти с нами. И я решил: в интернат мы всегда успеем ее отвезти. Пусть немного побудет с нами. Я хорошо о ней позабочусь, я умею обращаться с детьми. Вы же видите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.